

Стихотворения Гарсия Лорки

АВГУСТ

(пер. А. Гелескула)

Август.

Персик зарей подсвечен,

и сквозят леденцы стрекоз.

Входит солнце в янтарный вечер,

словно косточка в абрикос.

И смеется, налит, початок

смехом желтым, как летний зной.

Снова август.

И детям сладок

смуглый хлеб со спелой луной.

АМПАРО

(пер. В. Столбова)

Ампаро!

В белом платье сидишь ты одна

у решетки окна

(между жасмином и туберозой

рук твоих белизна).

Ты слушаешь дивное пенье

фонтанов у старой беседки

и ломкие, желтые трели

кенара в клетке.

Вечерами ты видишь - в саду

дрожат кипарисы и птицы.

Пока у тебя из-под рук

вышивка тихо струится.

Ампаро!

В белом платье сидишь ты одна

у решетки окна.

О, как трудно сказать:

я люблю тебя,

Ампаро.

БАЛЛАДА МОРСКОЙ ВОДЫ

(пер. А. Гелескула)

Море смеется

у края лагуны.

Пенные зубы,

лазурные губы...

- Девушка с бронзовой грудью,

что ты глядишь с тоскою?

- Торгую водой, сеньор мой,

водой морскою.

- Юноша с темной кровью,

что в ней шумит не смолкая?

- Это вода, сеньор мой,

вода морская.

- Мать, отчего твои слезы

льются соленой рекою?

- Плачу водой, сеньор мой,

водой морскою.

- Сердце, скажи мне, сердце, -

откуда горечь такая?

- Слишком горька, сеньор мой,

вода морская...

А море смеется

у края лагуны.

Пенные зубы,

лазурные губы.

ГИТАРА

(пер. М.Цветаевой)

Начинается

Плач гитары.

Разбивается

Чаша утра.

Начинается

Плач гитары.

О, не жди от нее

Молчанья,

Не проси у нее

Молчанья!

Неустанно

Гитара плачет,

Как вода по каналам - плачет,

Как ветра над снегами - плачет,

Не моли ее

О молчанье!

Так плачет закат о рассвете,

Так плачет стрела без цели,

Так песок раскаленный плачет

О прохладной красе камелий,

Так прощается с жизнью птица

Под угрозой змеиного жала.

О гитара,

Бедная жертва

Пяты проворных кинжалов!

БЕЗНАДЕЖНАЯ ПЕСНЯ

(пер. А. Гелескула)

Сливаются реки,

свиваются травы.

А я

развеян ветрами.

Войдет благовещенье

в дом к обрученным,

и девушки встанут утрами

и вышьют сердца свои

шелком зеленым.

А я

развеян ветрами.

ВСТРЕЧА

(пер. Г. Шмакова)

Мария - Утоли мои печали,
тебя мне видеть довелось
в лимонной роще, где пели струи
источника слез.

Ты лучшая из роз!

Мария - Утоли мои печали,
тебя мне видеть довелось.

Твои глаза хрусталей светлее,
туманы кос.

Ты лучшая из роз!

Мария - Утоли мои печали,
тебя мне видеть довелось.

Где та перчатка лунного цвета
и первых рос?

Ты - лучшая из роз!

ГОРОД

(пер. А. Гелескула)

Извечный гул сосновый

стоит над городком,

но сами эти сосны

давно на дне морском.

Свистят в округе стрелы,

и войско при щитах,

но битва заблудилась

а коралловых кустах.

И только отголоски
лесные сберегло
морского небосвода
волнистое стекло.

ДЕРЕВО ПЕСЕН

(пер. А. Гелескула)

Все дрожит еще голос,
одинокая ветка,
от минувшего горя
и вчерашнего ветра.

Ночью девушка в поле
тосковала и пела -
и ловила ту ветку,
но поймать не успела.

Ах, луна на ущербе!
А поймать не успела.

Сотни серых соцветий
оплели ее тело.

И сама она стала,
как певучая ветка,
дрожью давнего горя
и вчерашнего ветра.

КИТАЙСКАЯ ПЕСНЯ В ЕВРОПЕ

(пер. Ю. Мориц)

Девушка с веера,

с веером смуглым,
идет над рекою
мостиком круглым.

Мужчины во фраках
смотрят, как мил
под девушкой мостик,
лишенный перил.

Девушка с веера,
с веером смуглым,
ищет мужчину,
чтоб стал ей супругом.

Мужчины женаты
на светловолосых,
на светлоголосых
из белой расы.

Поют для Европы
кузнечики вечером.

(Идет по зеленому
девушка с веером.)

Кузнечики вечером
баюкают клевер.

(Мужчины во фраках
уходят на север.)

ЛОЛА

(пер. М. Самиева)

Лола стирает пеленки,

волосы подковов.

Взгляд ее зелен-зелен,

голос ее - лилов.

Ах, под оливой

была я счастливой!

Рыжее солнце в канаве

плещется около ног,

а на оливе воробушек

пробует свой голосок.

Ах, под оливой

была я счастливой!

Когда же у Лолы мыла

измылится весь кусок,

ее навестят торерильо.

МОЛОДАЯ ЛУНА

(пер. М. Самиева)

Луна плывет по реке.

В безветрии звезды теплятся.

Срезая речную рябь,

она на волне колеблется.

А молодая ветвь

ее приняла за зеркальце.

НЕВЕРНАЯ ЖЕНА

(пер. А. Гелескула)

И в полночь на край долины

увел я жену чужую,

а думал - она невинна...

То было ночью Сант-Яго,

и, словно сговору рады,

в округе огни погасли

и замерцали цикады.

Я сонных грудей коснулся,

последний проулок минув,

и жарко они раскрылись

кистямиочных жасминов.

А юбки, шурша крахмалом,

в ушах у меня дрожали,

как шелковые завесы,

раскрошенные ножами.

Врастая в безлунный сумрак,

ворчали деревья глухо,
и дальним собачьим лаем
за нами гналась округа...

За голубой ежевикой
у тростникового плеса
я в белый песок впечатал
ее смоляные косы.

Я сдернул шелковый галстук.

Она наряд разбросала.

Я снял ремень с кобурою,
она - четыре корсажа.

Ее жасминная кожа
светилась жемчугом теплым,
нежнее лунного света,
когда скользит он по стеклам.

А бедра ее метались,
как пойманые форели,
то лунным холодом стыли,
то белым огнем горели.

И лучшей в мире дорогой
до первой утренней птицы
меня этой ночью мчала
атласная кобылица...

Тому, кто слывет мужчиной,
нескромничать не пристало,

и я повторять не стану

слова, что она шептала.

В песчинках и поцелуях

она ушла на рассвете.

Кинжалы трефовых лилий

вдогонку рубили ветер.

Я вел себя так, как должно,

цыган до смертного часа.

Я дал ей ларец на память

и больше не стал встречаться,

запомнив обман той ночи

у края речной долины,-

она ведь была замужней,

а мне клялась, что невинна.

ПЕСНЯ

(пер. О. Савича)

- Если ты услышишь: плачет

горький олеандр сквозь тишину,

что ты сделаешь, любовь моя?

- Вздохну.

- Если ты увидишь, что тебя

свет зовет с собою, уходя,

что ты сделаешь, любовь моя?

- Море вспомню я.

- Если под оливами в саду
я скажу тебе: "Люблю тебя", -
что ты сделаешь, любовь моя?
-Заколю себя.

ПЛЕНИЦА

(пер. М. Санаева)

По робким
веткам
девушка жизнь
шла незаметно.

По робким
веткам .
В зеркальце жизни
лучился приветно
день - и не день,
а лик ее светлый.

По робким веткам .
И запутала,
и шла среди темени,
росами плача,
пленница времени.

По робким
веткам .

ПРЕЛОДИЯ

(пер. А. Гелескула)

И тополя уходят -
но след их озерный светел.

И тополя уходят -
но нам оставляют ветер.

И ветер умолкнет ночью,
обряженный черным крепом.

Но ветер оставит эхо,
плывущее вниз по рекам.

А мир светляков нахлынет -
и прошлое в нем потонет.

И крохотное сердечко
раскроется на ладони.

ПРОЩАНИЕ

(пер. А. Гелескула)

Прощаюсь
у края дороги.

Угадывая родное,
спешил я на плач далекий -
а плакали надо мною.

Прощаюсь

у края дороги.

Иною, нездешней дорогой

уйду с перепутья

будить невеселую память

о черной минуте.

Не стану я влажною дрожью

звезды на восходе.

Вернулся я в белую рощу

беззвучных мелодий.

РОМАНС О ЛУНЕ, ЛУНЕ

(пер. А. Гелескула)

Луна в жасминовой шали

явилась в кузню к цыганам.

И смотрит, смотрит ребенок,

и смутен взгляд мальчугана.

Луна закинула руки

и дразнит ветер полночный

своей оловянной грудью,

бесстыдной и непорочной.

- Луна, луна моя, скройся!

Если вернутся цыгане,

взьмут они твое сердце

и серебра начеканят.

- Не бойся, мальчик, не бойся,
взгляни, хорош ли мой танец!

Когда вернутся цыгане,
ты будешь спать и не встанешь.

- Луна, луна моя, скройся!

Мне конь почудился дальний.

- Не трогай, мальчик, не трогай
моей прохлады крахмальной!

Летит по дороге всадник

и бьет в барабан округи.

На ледяной наковальне

сложены детские руки.

Прикрыв горделиво веки,

покачиваясь в тумане,

из-за олив выходят

бронза и сон - цыгане.

Где-то сова зарыдала -

Так безутешно и тонко!

За ручку в темное небо

луна уводит ребенка.

Вскрикнули в кузне цыгане,

эхо проплакало в чащах...

А ветры пели и пели

за упокой уходящих.

СЕРЕНАДА

(пер. Ю. Мориц)

При луне у речной долины
 полночь влагу в себя вбирает,
 и на лунной груди Лолиты
 от любви цветы умирают.

От любви цветы умирают.

Ночь нагая поет в долине
 на мостах, летящих над мартом.
 Осыпает себя Лолита
 и волнами, и нежным нардом.

От любви цветы умирают.

Эта ночь серебра и аниса
 сверкает на крышах голых.
 Серебро зеркал и водопадов,
 анис твоих бедер белых.

От любви цветы умирают.

СОНЕТ

(пер. М. Кудинова)

Я боюсь потерять это светлое чудо,

что в глазах твоих влажных застыло в молчанье,
я боюсь этой ночи, в которой не буду
прикасаться лицом к твоей розе дыханья.

Я боюсь, что ветвей моих мертвая груда
устилать этот берег таинственный станет;
я носить не хочу за собою повсюду
те плоды, где укроются черви страданья.

Если клад мой заветный взяла ты с собою,
если ты моя боль, что пощады не просит,
если даже совсем ничего я не стою, -

пусть последний мой колос утраты не скосит
и пусть будет поток твой усыпан листвою,
что роняет моя уходящая осень.

СТОИТ ЯЩЕРОК И ПЛАЧЕТ...

(пер. М. Самиева)

Стоит ящерок и плачет. И плачет его подруга.
Оба в передничках белых, скорбно глядят друг на друга.
Они кольцо потеряли, что их связало навечно.
Ах ты, колечко из меди! Ах, медное ты колечко!

Птицами небо узорит свой шар, огромный и ясный.

На Солнце, начальнике толстом, сияет жилет атласный.

Как они старенъки оба, ящерок и его подруга!

Как они плачут-горюют, глядючи друг на друга.

ТАНЕЦ (В НОЧИ САДА, ВЫБЕЛЕННОЙ МЕЛОМ)

(пер. А. Гелескула)

В ночи сада,

выбеленной мелом,

пляшут шесть цыганок

в белом.

В ночи сада...

Розаны и маки

в их венках из крашеной

бумаги.

В ночи сада...

Словно пламя свечек,

сумрак обжигают

зубы-жемчуг.

В ночи сада,

из одной другой,

тени всходят, неба

достигая.

ТАНЕЦ

(пер. А. Гелескула)

Танцует в Севилье Кармен

у стен, голубых от мела,

и жарки зрачки у Кармен,

а волосы снежно-белы.

Невесты,

закройте ставни!

Змея в волосах желтеет,

и словно из дали дальней,

танцуя, встает былое

и бредит любовью давней.

Невесты,

закройте ставни!

Пустынны дворы Севильи,

и в их глубине вечерней

сердцам андалузским снятся

следы позабытых терний.

Невесты,

закройте ставни!

ТИХИЕ ВОДЫ

(пер. А. Гелескула)

Глаза мои к низовью

плывут рекою...

С печалью и любовью

плывут рекою...

(Отсчитывает сердце

часы покоя.)

Плынут сухие травы

дорогой к устью...

Светла и величава

дорога к устью...

(Не время ли в дорогу,

спросило сердце с грустью.)

ТРИ РАССКАЗА ПРО ВЕТЕР

(пер. С. Гончаренко)

Был красным ветер вдалеке,

зарей зажженный.

Потом струился по реке -

зеленый.

Потом он был и синь и желт.

А после -

тugoю радугой взошел

над полем.

II

Запружен ветер, как ручей.

Объяты дрожью

и водоросли тополей,

и сердце - тоже.

Неслышно солнце

за зенит

склонилось в небе...

Пять пополудни.

Ветер спит.

И птицы немы.

III

Как локон,

вьется бриз,

как плющ,

как стружка -

завитками.

Проклевывается,

как ключ

в лесу под камнем.

Бальзамом белым напоит

ущелье он до края

и будет биться

о гранит,

изнемогая.

ЦИФЕРБЛАТ

(пер. Н.Ванханен)

Молча стою, окружен

белым свеченьем времен.

Диск циферблата - мертвый затон
белой немой тишины.

Вижу - движенья полны,
цифры и звезды по кругу
мчатся навстречу друг другу.

ЧЕРНЫЕ ЛУНЫ

(пер. А. Гелескула)

Над берегом черные луны,
и море в агатовом свете.

Вдогонку мне плачут
мои нерожденные дети.

Отец, не бросай нас, останься!

У младшего сложены руки...
Зрачки мои льются.

Поют петухи по округе.

А море вдали каменеет
под маской волнистого смеха.

Отец, не бросай нас!..

И розой
рассыпалось эхо.

ЭТО ПРАВДА

(пер. В. Столбова)

Трудно, ах, как это трудно -
любить тебя и не плакать!

Мне боль причиняет воздух,

сердце

и даже шляпа.

Кому бы продать на базаре

ленточку, и гребешок,

и белую нить печали,

чтобы соткать платок?

Трудно, ах, как это трудно -

любить тебя и не плакать!

Я ЧУВСТВУЮ, КАК В ЖИЛАХ У МЕНЯ...

(пер. С. Гончаренко)

Я чувствую, как в жилах у меня,

Расплавив сердце раскалённой страстью,

Струится ток багряного огня.

Так погаси же, женщина, пожар.

Ведь если в нём всё выгорит дотла,

Одна зола взойдёт на пепелище.

Одна зола...

ЕСЛИ Б МОГ ПО ЛУНЕ ГАДАТЬ Я... (пер. Я. Серпина)

Я твое повторяю имя

по ночам во тьме молчаливой,

когда собираются звезды

к лунному водопою

и смутные листья дремлют,
свесившись над тропою.

И кажусь я себе в эту пору
пустотою из звуков и боли,
обезумевшими часами,
что о прошлом поют поневоле.

Я твое повторяю имя
этой ночью во тьме молчаливой,
и звучит оно так отдаленно,
как еще никогда не звучало.

Это имя дальше, чем звезды,
и печальней, чем дождь усталый.

Полюблю ли тебя я снова,
как любить я умел когда-то?
Разве сердце мое виновато?

И какою любовь моя станет,
когда белый туман растает?
Будет тихой и светлой?

Не знаю.

Если б мог по луне гадать я,
как ромашку, ее обрывая!

А ПОТОМ...

(пер. М.Цветаевой)

Прорытые временем

лабиринты -

исчезли.

Пустыня -

осталась.

Немолчное сердце -

источник желаний -

Иссякло.

Пустыня -

осталась.

Закатное марево

И поцелуи -

пропали.

Пустыня -

осталась.

Умолкло, заглохло,

остыло, иссякло,

исчезло.

Пустыня -